

РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» 1880-Х ГГ.

Н. Н. Козлова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2015 г.

Аннотация: статья посвящена особенностям освещения жизни российской провинции либерально-западническим журналом «Вестник Европы» в период контрреформ 1880-х гг.

Ключевые слова: реформы Александра II, контрреформы Александра II, российская либеральная печать 19 в., земство, национальный вопрос, журнал «Вестник Европы», М. М. Стасюлевич.

Abstract: the article dwells on the peculiarities of presenting the life of the Russian province by the liberal journal «Mercury of Europe» during the counter-reforms period of 1880-s.

Key words: reforms of Alexandre II, counter-reforms of Alexandre II, Russian liberal press of the 19th century, zemstvo, national question, «Mercury of Europe», M. M. Stasyulevich.

Реформы Александра II дали мощный импульс к развитию либерального западничества как одного из влиятельных течений общественной мысли до-революционной России. Корни его уходят в 40-е гг. 19 века. Но только на волне преобразований, принятых властью в 60-е гг., стало возможным появление целой группы газет и журналов, которые, критикуя правительство за нерешительность и непоследовательность, в целом поддерживали проводившийся курс на либерализацию в важнейших областях жизни страны. Политический обозреватель «Вестника Европы» К. Арсеньев так характеризовал условия появления этого журнала в системе печати России 1866 года: «На правой стороне стоял катковский «Русский вестник», на левой стороне блестели «Современник» и «Русское слово», посередине зияло пустое пространство <...>. А между тем перед «центром» открывались тогда широкие, важные задачи. К нему примыкали сторонники безостановочного движения по этой дороге, на которую вступила Россия в эпоху «великих реформ» <...>. Нужно было охранять сделанное и настаивать на осуществлении всего задуманного» [1]. После закрытия в том же 1866 г. двух самых радикальных и влиятельных демократических изданий профессор Санкт-Петербургского университета Д. И. Каченовский писал издателю и редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Дай Бог вестнику <...> заменить современник, не впадая в его крайности и отрицание и брань! Мы нуждаемся в честном и трезвом органе» [2]. Под трезвостью подразумевалось признание необходимости продолжения движения России по пути европеизации, начатого Петром I, чья реформаторская деятельность всегда оценивалась западниками очень высоко. Но движение постепенного, в рамках совершенствующегося закона, путем вве-

дения во все сферы жизни страны новых начал, которые были заявлены царем-освободителем и продолжали дело его великого пращура.

Важно понять, что именно началом считали руководство и авторский коллектив «Вестника Европы» те судьбоносные решения, которые были приняты правительством Александра II в 60-е годы. Сам размер империи, а также масштаб и глубина накопившихся проблем не позволяли рассчитывать в обозримом времени на ощутимые положительные результаты. Однако М. М. Стасюлевич и его команда на этом основании не склонны были извинять власти существенные отступления от избранного курса, за что журнал поплатился двумя предостережениями подряд в начале 70-х гг. И уже на протяжении этого десятилетия мерилом успеха или неуспеха проводимых правительством преобразований стали для журнала последствия, наблюдавшиеся в близких к столицам и в разной степени удаленных от них уголках громадного пространства, именуемого российской провинцией.

Но особый интерес, особую важность эти наблюдения приобрели в 80-е гг. В условиях контрреформ Александра III защита преобразований предыдущего царствования стала для либеральной оппозиции главной задачей. Насколько эти преобразования затронули глубины российской жизни, способствовали ее поступательному развитию, с одной стороны; с другой – как противоречат реалиям современной российской действительности попытки власти затормозить начавшееся в эпоху реформ движение или обратить его вспять, – показать все это наиболее полно и убедительно, с точки зрения редакции «Вестника Европы», можно было главным образом на материале провинциальной жизни.

Следует отметить, что сам образ этой жизни, представлявшийся авторами журнала, не был традиционен. Провинция здесь – не идиллия простого, бесхитрост-

ного существования и не тихий омут, наказание и гибель для активных, мыслящих натур. Это прежде всего крестьянский мир, население которого составляет в России подавляющее большинство. Поворот в жизни крестьянства, произведенный отменой крепостного права и последующими реформами, беспрецедентен. Проблемы земледельца, как застарелые, связанные с сохранением пережитков крепостничества, так и новые, порожденные освобождением, – это первостепенные проблемы общества и государства. Именно «на лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений» (как назвал М. Е. Салтыков-Щедрин первую часть своего публицистического цикла «Мелочи жизни»), опубликованного в «Вестнике Европы» в 1886–1887 гг.) разыгрывалась главная драма современной российской жизни, вызывавшая у умеющих видеть и слышать чувство тревоги за будущее страны. Конечно, эта публикация, как и сам факт сотрудничества Щедрина с журналом после закрытия «Отечественных записок», уже могли бы быть достаточной характеристикой позиции издания по крестьянскому вопросу. Но очень мало сказано о том, в какой публицистический контекст оказались включены произведения писателя последних лет его жизни (кроме «Мелочей жизни», цикл «Пестрые письма» и автобиографический роман «Пошехонская старина»).

На протяжении всех 1880-х гг. (с продолжением в последующие периоды) из номера в номер в рамках «Внутреннего обозрения», рубрики «Из общественной хроники» (их автором с начала 80-х гг. стал К. К. Арсеньев), рубрики «Письма из провинции», в материалах известных публицистов, экономистов, земских деятелей «Вестник Европы» детально исследовал крестьянский вопрос. Формулировал задачи, которые следовало решать в продолжение начатых при Александре II преобразований: реформа арендных платежей, организация мелкого кредита, введение прогрессивного подоходного налога, организация переселений, ослабление протекционизма крупному капиталу, единство суда для всех сословий. В связи с этим отмечал некоторые меры правительства: плюсы в деятельности крестьянского банка, понижение выкупных платежей, отмену подушной подати. Констатировал, что эти меры меркнут на фоне проводимых в деревне контрреформ: принятие закона об ограничении семейных разделов, о найме сельских рабочих, о земских начальниках. Указывал на гигантские масштабы процессов обезземеления, обеднения основной массы крестьянства, ставящих мужика в полную зависимость от помещика, которая мало чем отличается от крепостной. Но может ли быть иначе, если существующие законы «приноровлены к потребностям и понятиям одного высшего класса» [43]. К. К. Арсеньев в своих обозрениях никогда не упускал возможность показать, насколько свободный крестьянин-земледелец полезен государству и в экономическом, и в социальном отношении.

Он очень аккуратен в платежах крестьянскому банку, в то время как «задолженность дворянского землевладения растет непрерывно» [4]. Он гораздо добросовестнее многих землевладельцев в выполнении обязанностей присяжных, причем оказывается вполне самостоятельным в своих суждениях и твердым в однажды принятом решении [5].

Все это не было чистым теоретизированием или плодом мимолетных впечатлений. Достаточно привести несколько публикаций из сотен материалов «Вестника Европы» 1880-х гг. о положении крестьян. В 1884 г. появились очерки В. Н. Назарьева «История одной волости». Еще в середине 70-х гг. в письме М. М. Стасюлевичу П. В. Анненков так характеризовал их автора, тогда еще только собиравшегося предложить журналу свои произведения: «Симбирский писатель <...> (один из евангельских святых, которыми земля держится) <...> дает понятие об условиях провинциального образования боле яркое, чем все возможные трактаты <...> в качестве члена училищного совета он объезжал школы, причем, конечно, несколько раз тонул, проваливался под мосты, угорал, голодал, даже горел» [6]. В названной серии очерков В. В. Назарьев, много лет являвшийся и мировым судьей, и гласным Симбирского земства, нарисовал картину пореформенного развития Никольской волости Симбирской губернии. «Страсть к наживе, давно охватившая города и столицы, со всех сторон нахлынула на беззащитную, отсталую и все еще дремавшую жизнь, не встречая ни малейшего сопротивления или готовности к борьбе, ничего такого, что бы могло, хотя бы в некоторой степени, противодействовать беспощадности, беззастенчивости и алчности новых вождельцев <...>. Всеми руководила одна и та же мысль как можно скорее воспользоваться отсталостью и запоздалым детством захолустья, как можно лучше встряхнуть и обобрать эту вновь открытую Калифорнию» [7]. Процессы расслоения, обезземеления, обнищания крестьянства, «чахнувшая» община обрели под пером равнодушного и компетентного наблюдателя конкретику, которую невозможно было оспорить. В 1885 и в 1886 гг. журнал поместил очерки Н. М. Астырева «В волостных писарях» и «С сильным не борись». Автор, в 1881 г. бросивший учебу в престижном институте инженеров путей сообщения, ушел «в народ» и более трех лет служил писарем в Кочетовской волости Воронежской губернии. «Если вы человек робкий и чересчур нравственно чистый, вам не совладать с той массой зла, подлости и насилия, которая со всех сторон нависла над беспомощным населением сел и деревень» [8]. Но и сам крестьянин, как был вунужден с горечью заключить правоверный народник, настолько развращен десятилетиями административного произвола, что честность и порядочность в его глазах всегда имеют денежный эквивалент. «<...> один продать готов

всякого за шкалик – этот, в глазах деревенской публики, непутевый, пустой человек, которому грош цена, другой торгует собой за рубли – это средственный, обыденный человек, а кто себя за единицы или даже за десятки рублей не продает, – это уже «гора-человек», хотя эта же «гора» против, например, радужной может и не устоять <...> если же «гора» и против радужной устоит, то <...> будут говорить <...> «кто его знает, мудреный он какой-то, все у него не по-людски делается». Страшно сказать, но мне кажется, что заурядный мужик... вполне честного человека, которого нельзя купить и за тысячи, представить себе не может» [9]. Не менее драматичным было описание взаимоотношений писаря с уездным начальством, которое в стремлении выдвинуть со службы «неудобного» (т. е. пользовавшегося слишком большим авторитетом у крестьян) человека не гнушались ни распусканьем слухов, ни угрозами сообщить куда следует о его «неблагонадежности» [10]. Наконец, в 1888 и 1889 гг. под рубрикой «Письма из провинции» были опубликованы материалы за подписью Z., авторство которых с большой долей вероятности принадлежало Н. Ф. Иванову [11], служившему податным инспектором двух уездов Саратовской губернии. В первом содержался комментарий к записке саратовского губернатора об итогах поездки по вверенной ему территории. «Коренная ошибка записки состоит в допускаемой ею возможности создать из губернии <...> Аркадию одними «собственными средствами», без связей с мерами общегосударственного характера, направленными к подъему экономической жизни всей России <...>. Непомерно высокие арендные цены на землю, недостаточность крестьянских наделов, тягота прямых и косвенных налогов, уменьшение экспорта хлеба <...> вот ряд главнейших условий, подрывающих народное благосостояние <...>. На чинов администрации предполагается «запискою» возложить заботы об улучшении гигиенических условий населения <...> любопытно посмотреть на урядников в <...> должности смотрителей народного здравия» [12]. Во втором письме говорилось о губернском съезде исправников, в ходе которого проводился опрос о причинах обеднения края. Из названных 50-60 причин "губернатор выделил только две: нравственный и религиозный упадок в массе крестьян". Соответственно исправникам были даны указания активно вмешиваться во все стороны жизни крестьян, включая личное хозяйство. Выбравшиеся ранее старшины и старосты теперь должны были назначаться полицией. "В одном из больших сел <...> такой административный избранник в течение нескольких месяцев своего хозяйствования <...> настолько озлобил крестьян, что они снарядили в Саратов особую депутацию хлопотать об избавлении от него, но депутация напрасно искала желаемой "управы" [13].

Сопоставимой по масштабам с обсуждением в журнале крестьянского вопроса была деятельность земства. Земскую реформу здесь считали едва ли не самым удачным из преобразований, осуществленных в 60-е гг. И полагали, что развитое земство способно обеспечить (конечно, в отдаленной перспективе) переход к федеративному устройству Российского государства. И опять в центре внимания провинция, хотя сам М. М. Стасюлевич много лет был гласным Санкт-Петербургской городской думы и мог бы воспользоваться своим редакторским положением для трансляции преимущественно столичного опыта. Но в основе редакционной политики по проблемам местного самоуправления лежало убеждение, что «цели, указанные земскими учреждениями, по преимуществу имеют отношение к благосостоянию крестьянского сословия» [14]. Так писал в статье "Крестьянские выборы в гласные уездных земских собраний" А. Д. Градовский, правовед, профессор Санкт-Петербургского университета, который в своих трудах разрабатывал проблему соотношения местных учреждений с политическим устройством государства. Он считал, что не административная централизация, а децентрализация в соединении с местным самоуправлением является надежным средством охраны государства от потрясений. «Такое направление земской деятельности, – замечал он в статье, – во многом зависит от состава <...> того разряда гласных, которые призваны говорить от имени сельских общин. Между тем именно организация крестьянского представительства составляет одно из самых больных мест нашего земского устройства» [15]. Эти общие тезисы наполнялись конкретным содержанием в многочисленных публикациях. Это мог быть материал под рубрикой «Из общественной хроники», представлявший деятельность уездного земского собрания глазами очевидца: «Противодействие со стороны крестьян встречает <...> всякий расход, не оправдываемый опытом или сопряженный с риском <...>. Замечательна энергия, с которой гласные – крестьяне стоят за земскую начальную школу <...>. Очень хорошо понимают крестьяне нравственную обязанность других сословий нести долю расходов, которые хотя по закону и лежат на одних крестьянах, но <...> приносят пользу не им одним <...> (сельская полиция). Они держатся с большой самостоятельностью, <...> сохраняя сдержанность, которая иногда могла бы служить наглядным примером для некоторых «культурных» членов собрания <...> ценно существование почвы, на которой люди разных сословий сходятся <...> как участники общего дела; действие этого общения медленно, мало заметно, но <...> неизгладимо» [16]. Это мог быть очерк «Деревенская медицина. Заметки врача» Я. М. Симоновича, практиковавшего в глухой деревне Псковской губернии. "Хворать и лечиться для крестьянина – роскошь <...>. Он предпочитает быть

нездоровым, напрягать во время болезни все свои силы <...>. Уход <...> если б он вздумал окружать им больного, обошелся бы ему <...> благополучием нескольких других членов семьи <...>. Вот почему невозможно осуждать крестьянина за оставление больных на произвол судьбы» [17]. Или комментарий «Третий съезд русских врачей в Петербурге», где обсуждался вопрос «о дальнейшем развитии нашего сокровища, которому нет ничего подобного в западной Европе, – нашей общественной, земской медицины» [18]. Из года в год следил «Вестник Европы» за деятельностью земских статистических комитетов, благодаря которой «и сама высшая администрация имела <...> весьма богатый и даровой материал» [19]. В публикациях журнала опыт работы статистиков многих губерний; трудности, с которыми они сталкивались на местном уровне (боязнь истины со стороны местных «кружков, лиц и т. п.» [20]), и меры по ограничению их деятельности со стороны центральной власти. Так, новые программы МВД не дают возможности составить объективную картину положения дел в экономике деревни [21]. «В области статистики против земства выдвигается призрак политической неблагонадежности; пример раскаявшихся грешников – земских собраний, постановивших уничтожить статистические издания – играет роль улики против всех остальных, закоренелых в своей злой воле» [22]. А в результате принятия на рубеже 80-90-х гг. закона о земских начальниках «земство умерло в виде самостоятельного местного учреждения, действующего под надзором правительства, а воскресло в виде выборного ведомства, введенного в общий строй наших административных учреждений в порядке полной подчиненности губернатору <...> земство <...> отдано в опеку местной администрации. По части избрания своих управ земству предоставлено меньше самостоятельности, чем любой акционерной компании в избрании своего правления» [23]. Между тем «при всех неблагоприятных условиях и несовершенствах в самой организации, земства являются все-таки несравненно лучшими хозяевами, чем администрация» [4]. Малые же успехи в их хозяйственной деятельности обусловлены тем, что «самое существенное – выборное право, у нас <...> ограничено таким образом, что лучше силы не имеют доступа к участию в <...> общественном управлении» [25]. «И нравственный уровень крестьянского самоуправления понизился за последнее время именно вследствие нежелания лучших людей из среды крестьян становиться лицом к лицу с неограниченным начальническим произволом» [26].

При всем при том в такой огромной стране, как Россия, общественная деятельность на местах должна была играть особую роль в подъеме благосостояния народа. Так считали в «Вестнике Европы» и при любой возможности старались ее поддержать. Поч-

ти все материалы такого рода были основаны на фактах из жизни провинции. Здесь и публикация письма в редакцию об открытии в Красноуфимском уезде Пермской губернии комитета по улучшению экономического состояния населения, хлопотах местного земства по делам общин, по развитию кустарных промыслов как средства избавления от безработицы с просьбой к редакции рассмотреть возможность публикации в журнале объявлений о производимых товарах [27]. И сообщение об открытии первой общественной сельской библиотеки в Харьковской губернии с подробным описанием опыта ее организации [28]. И выход первого тома исследования «Что читать народу?» харьковского учительского кружка под руководством Х. Д. Алчевской [29] с 1885 по 1887 гг. журнал вел кампанию по сбору средств на содержание народной школы, созданной известным представителем русской либеральной мысли К. Д. Кавелиным в Тульской губернии. Она завершилась передачей учебного заведения и капитала из пожертвований уездному земству. Отвечая скептикам слева и справа, одинаково отрицавшим либо возможность, либо необходимость существования независимых учреждений в современной политической системе России, обозреватель «Вестника Европы» К. К. Арсеньев замечал: «Дело вовсе не в том, могут ли существовать в самодержавном государстве самостоятельные и независимые, до известной степени, судебные и земские учреждения <...>. – Дело в том, желаемо ли, полезно ли их существование при данных условиях и в данное время <...>. Независимый суд и деятельное участие общества в местном управлении ценны везде и всегда – но особенно ценны они именно в самодержавном государстве, хотя они не могут в нем достигнуть полного своего развития <...>. Если в центре государства кипит политическая жизнь, она неизбежно проникает в самые отдаленные окраины <...> облегчает раскрытие и изобличение злоупотреблений, устраняет возможность неподвижности и застоя <...> где нет могучего корректива политической свободы (автор имел в виду парламент – Н. К.), там ничто не может восполнить недостатка самостоятельных независимых учреждений» [30]. На излете 80-х гг., когда земская контрреформа проводилась наиболее активно, тот же автор писал: «<...> интерес к земскому делу <...> распространен теперь больше, чем в начале восьмидесятых годов. Быть может, этому способствует сравнительное оскудение общественной жизни, заставляющее больше дорожить тем немногим, чего оно еще не коснулось; быть может также, что привязанность к благу растет параллельно с опасностью его лишиться» [31].

Еще одно важное направление обсуждения жизни российской провинции в журнале Стасюлевича – положение национальных окраин. В эпоху Александра III национализм стал одним из важных инстру-

ментов укрепления империи. Активизировался процесс русификации окраин. Охранительная печать настойчиво внедряла в сознание русского населения понятие «инородец», «иноверец» (все нерусские и неправославные). «Травля иноплеменников и иноверцев вошла в моду» [32], – с тревогой замечал «Вестник Европы» в конце 80-х гг. Основа его программы по национальному вопросу – с одной стороны ликвидация различий в положении коренных русских губерний и окраин через введение городского и земского самоуправления, выборности мировых судей, суда присяжных; с другой – сохранение различий, которые составляют преимущества окраин перед центром (например, выборной полиции в Остзейском крае).

По проблеме ликвидации различий выделялись публикации за подписью Т. под постоянной рубрикой «Письма из провинции». Автор, известный грузинский общественный деятель, публицист, редактор Тифлисской газеты «Новое обозрение» Г. М. Туманов (Туманишвили), подробно рассматривал социально-экономические причины неблагополучия на Кавказе. «Для кавказских горцев не только не существует земских учреждений, но и то, крайне ограниченное сельское самоуправление, которое им дано по закону, фактически упраздняется по усмотрению местного начальства <...>. Легко себе представить, какая благоприятная почва создается в нашей глуши для произвола отдельных личностей <...>. Бесконтрольное <...> управление, как всегда и везде, развивает у нас легендарные хищения» [33], – утверждал он. Опровергал распространенное мнение «о нашей, кавказцев, неспособности к какой-либо серьезной общественной деятельности и о преждевременности введения у нас земства, суда присяжных, городского самоуправления и др. установлений, требующих самостоятельности общества <...>. Но <...> во многих центрах нашего края фактически создано местное самоуправление» [34]. Старался «показать, что меры строгости вообще, а тем более строгости неразборчивой, несправедливой, несообразной с условиями места и времени, не могут залечить одну из главных ран Кавказа <...> преступные наклонности <...> составляют продукт гражданского неустройства края <...> бороться с кавказской уголовной безурядицею нужно не военными строгостями <...> а такими нешумными, но более действенными мерами, как упорядочение суда и администрации, распространение народного образования, безобидное для местного населения служебное его устройство, улучшение ирригации, охраны лесов и т. п.» [35].

Проблема сохранения различий центра и окраин обрела особую остроту в связи с инициированным охранительной печатью обсуждением вопроса о положении Финляндии. «Можно ли серьезно толковать о насильственном обращении Финляндии в русскую область?», – спрашивал оппонентов из наиболее

рьяных сторонников контрреформ обозреватель «Вестника Европы». – «Это значило бы отодвинуть Финляндию на степень Олонекской, Архангельской или Вологодской губерний, умирающих с голоду среди гигантских богатств <...>. Финляндия пользуется благами, о которых русские губернии знают <...> лишь понаслышке и <...> обязана этим, по крайней мере отчасти <...> своему недурному государственному устройству <...>. Нашим доморожденным «националистам» нет никакого дела до населения Финляндии, им совершенно все равно, во что обойдется ему нивелировка, составляющая цель их усилий» [36]. Несколькими годами раньше, опровергая высказанное в петербургской печати мнение, что «Финляндия – в сущности, только великодушный каприз России, поставившей ее на некоторую культурную высоту», К. К. Арсеньев напоминал: «Некоторой культурной высоты Финляндия достигла сама, собственными силами; первые шаги ее <...> были сделаны задолго до завоевания ее Россией» [37]. И утверждал: «Если Финляндия до сих пор не была для России источником тревог и опасений, то объяснение этому следует искать <...> в отсутствии посягательств на самобытное развитие страны» [38].

Мысль о том, что свобода развития местной жизни есть залог здоровья государства, особенно часто повторялась и иллюстрировалась примерами в материалах разных авторов по национальному вопросу. Здесь особого внимания заслуживают труды (а это действительно результат серьезных научных изысканий) А. Н. Пыпина по белорусской этнографии, малорусскому языку и литературе, польской культуре. «Освобождение крестьян в первый раз открыло для русского общества в полной мере вопрос о белорусском народе <...>. Польское восстание усилило интерес враждою к Польше, но и спутало правильное понимание дела: патриотические публицисты внезапно узнали о существовании русского народа в западном крае и <...> с одной стороны объявили западный край чисто русскими, с другой, говорили о необходимости его «обрусения» <...>. Край, поставленный в эпоху восстания на военное положение, надолго остался в этом ненормальном положении <...>. Между тем существование местных особенностей народа не подлежит сомнению, и <...> эта местная жизнь разных краев нашего отечества имеет право быть глубоко важным интересом не одного только общества» [39].

Известный литературовед и публицист хотел, чтобы аудитория задумалась о «естественности местного патриотизма, т. е. о праве привязанности к своей родине представителя любого из народов, населявших страну, и с горечью замечал, что «привязанность малорусса к своей родине (как яркий ее пример он разбирает творчество Т. Шевченко) <...> в наше время стала и предметом для злостных обвинений» [40]. Процесс сближения народов в рамках

единого государства, с его точки зрения, – это улица с двусторонним движением. К такому заключению его привело, в частности, изучение литературы Галиции: свобода малорусского языка в литературе столь же необходима для взаимоотношения русских и малорусских, сколь и распространение русского языка в Галиции [41]. Но наиболее остро проблема была поставлена в связи с очень болезненным для России 19 века польским вопросом: «Мы так давно и так фатально связаны с польским народом, что изучение его истории и литературы могло бы быть для нас не только делом простой любознательности <...> не только научной, но известного рода нравственной обязанностью <...>. Если до сих пор русско-польские отношения так смутны, то немалую долю в этом занимает взаимное незнание народов и обществ между собою <...> польский вопрос остается спорным вопросом, возбуждающим страсти, но не находившим спокойного, беспристрастного обсуждения <...>. Поляки привыкли встречать с нашей стороны только отношение враждебное; немудрено, что это отталкивает их от такого же изучения России, русской истории и литературы» [42]. А. Н. Пыпина поддерживал иностранный обозреватель «Вестника Европы» Л. З. Слонимский: «<...> ненависть поляков и бесцеремонно вторгаясь в их душевные идеалы, иные русские патриоты совершенно серьезно ставят им в вину подобные же недоброжелательные отношения к России <...> они злорадно уличают поляков в привязанности к родной истории и к исконному национальному духу, между тем как для себя считают патриотизм заслугой и достоинством» [43].

Авторы журнала постоянно напоминали об ответственности печати за национальный мир и, в частности, указывали на абсурдность применения двойных стандартов в оценке одного и того же явления на национальных окраинах и в русских областях. Так, комментируя выступление славянофильской газеты «Русь», одного из самых активных претендентов на «истинный патриотизм», обозреватель «Вестника Европы» отмечал «любопытный факт: одна и та же газета в одно и то же время клеймит остзейских дворян – и стоит за «властную руку» дворян российских; возмущается «мечами правосудия, висящими над беззащитной спиной венденского крестьянина», – и отстаивает свист тех же «мечей» над спиной русского мужика» [44].

Между тем сколь бы ни были специфичны в своем историческом, социальном, культурном развитии разные регионы огромной страны, корни их неблагополучия общие: «Неспособность уважать чужую личность, индивидуальную и народную, нигде не распространена в такой мере, как у нас; нигде она не пользуется таким широким простором и таким развращающим влиянием на умы» [45]. Поэтому проблема не в том, какие дворяне более жестокосердны по отношению к низшим сословиям, остзейские или

русские, а в том, что в России на общегосударственном уровне до сих пор не отменены телесные наказания. И проблема обезземеления, полной зависимости от владельцев земли у крымских татар и у русских хлебопашцев одна и та же.

Нетрудно понять, почему главным направлением обсуждения жизни российской провинции в «Вестнике Европы» стали крестьянский вопрос, проблемы местного самоуправления и положение национальных окраин. Они, с точки зрения редакции, определяли общую судьбу всех существовавших в России сословий, проживавших в ней народов и народностей. Именно от того, как они будут решены, зависел дальнейший путь развития страны, будущее которой либерально-западническому изданию, конечно, представлялось европейским. Но, как писал в одном из программных «Внутренних обозрений» начала 80-х гг. К. К. Арсеньев, «перенесение к нам целиком английских или немецких порядков немыслимо уже потому, что государственный строй должен соответствовать условиям времени и места. Если разуметь под именем народной самобытности совокупность predeterminedных свойств, навеки застывших взглядов, неподвижных учреждений, то в такой самобытности следует отказать русскому народу, как и всякому другому; но самобытности в смысле особенностей, выработанных историей, постоянно изменяющихся, поддающихся действию самых различных причин и <...> обуславливающих собою самые различные последствия, не лишен ни один народ, не лишена <...> и Россия <...>. Уважать эту самобытность либералы расположены ничуть не меньше, чем националисты, а может быть и больше <...> самобытность, признаваемая нами, предполагает движение вперед, только не по произвольно выбранной дороге» [46]. Т. е. не по произволу (очевиден смысл употребленного автором выражения), который лежал в основе проводившихся властью контрреформ, должно было осуществляться развитие страны, а по заданному эпохой предыдущего царствования, совпадающему с естественным ходом истории направлению. Перспективы этого движения кратко и точно охарактеризовал в 1902 г. цензор: «Вестник Европы» известен в качестве журнала «либерального», западнического по преимуществу и даже оппозиционного. Журнал стоит за расширения общественной самодеятельности на всех поприщах, за устранение административного произвола, водворение строгой законности и пр.» [47]. «И пр.» означало принятие конституции, создание парламента, установление конституционной монархии. Политика Александра III здесь имела противоположный вектор, и ее несоответствие «историческим задачам России» журнал демонстрировал преимущественно в материалах из жизни провинции, подчеркивая таким образом естественность и глубину процессов, инициированных реформами Александра II. Не обольщаясь и не обольщая аудиторию надеж-

дами на скорые и однозначные результаты, но веря в то, во что российская власть не верила практически никогда. Комментируя заметки публициста парижской газеты «Nouvelle Revue» о европейском облике петербургского высшего общества середины 1880-х гг., обозреватель «Вестника Европы» отмечал: «Было время, когда дуализм, созданный петровской реформой в верхних слоях нашего общества, выражался в грубых, резких формах, когда внешний европеизм и подражательное либеральничанье уживались с замашками и приемами крепостнического барства. Теперь <...> место русского Мирабо, «хлещущего старого Гаврилу», заступили изысканно вежливые джентльмены <...>. Первый их признак – это употребление двойных мер <...> идет ли речь о России или об остальной Европе. По отношению к последней они либеральны <...> и любят гордиться либерализмом; обращаясь к первой, они прячут либерализм в карман и принимают на себя строгую мину опекунов, обучающих уму-разуму несовершеннолетнего питомца <...> несмотря на весь свой «патриотизм», они сходятся в этом с большинством иностранцев <...>. Раскройте любого немецкую книгу <...> статью <...> – в девяти случаях из десяти вы встретитесь с уверенностью, что Россия не созрела и не скоро еще созреет для свободы <...>» [48].

Так что «высокомерное отношение к русской народности и благоговение предо всем западноевропейским» [49], утрата национального чувства и понимания исторических задач России [50], которые устами цензурного ведомства инкриминировались властью журналу Стасюлевича практически на всем протяжении его существования, не получают подтверждения при детальном изучении издания. Особенно когда речь идет о публикациях, посвященных жизни российской провинции. Показывая, как контрреформы 1880-х гг. губят еще только завязывающиеся плоды преобразований предыдущего царствования или усугубляют не решенные в 1860-е гг. проблемы, «Вестник Европы» отмечал растущий разрыв проводившейся властями политики с реальными возможностями и потребностями страны. В первую очередь это касалось социально-политического устройства России, архаичность которого во многом обусловила потрясения начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев К. К. Пятидесятилетие «Вестника Европы» // К. К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1915. – № 12. – С. 2.
2. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / [под ред. М. К. Лемке]. – В 5 т. – СПб. : Типогр. М. М. Стасюлевича, 1911-1913. – Т. 5. – С. 141.

3. Вестник Европы. – 1890. – № 8. – С. 642.
4. Вестник Европы. – 1889. – № 10. – С. 819.
5. Вестник Европы. – 1890. – № 4. – С. 903.
6. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / [под ред. М. К. Лемке]. – В 5 т. – СПб. : Типогр. М. М. Стасюлевича, 1911-1913. – Т. 3. – С. 316.
7. Вестник Европы. – 1884. – № 6. – С. 457–458.
8. Вестник Европы. – 1885. – № 8. – С. 520.
9. Вестник Европы. – 1886. – № 2. – С. 549.
10. Вестник Европы. – 1886. – № 2. – С. 537.
11. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей / И. Ф. Масанов. – В 4 т. – М. : Изд-во Всес. книж. палаты, 1956-1960. – Т. 4. – С. 203.
12. Вестник Европы. – 1888. – № 3. – С. 376–377, 382.
13. Вестник Европы. – 1889. – № 8. – С. 834.
14. Вестник Европы. – 1884. – № 5. – С. 328.
15. Вестник Европы. – 1884. – № 5. – С. 328.
16. Вестник Европы. – 1887. – № 3. – С. 449–451.
17. Вестник Европы. – 1884. – № 6. – С. 805, 807.
18. Вестник Европы. – 1889. – № 2. – С. 851.
19. Вестник Европы. – 1889. – № 3. – С. 387.
20. Вестник Европы. – 1885. – № 7. – С. 382.
21. Вестник Европы. – 1889. – № 3. – С. 325–327.
22. Вестник Европы. – 1888. – № 10. – С. 818.
23. Вестник Европы. – 1890. – № 8. – С. 393.
24. Вестник Европы. – 1888. – № 8. – С. 312.
25. Вестник Европы. – 1888. – № 8. – С. 876.
26. Вестник Европы. – 1888. – № 12. – С. 821.
27. Вестник Европы. – 1888. – № 2. – С. 928.
28. Вестник Европы. – 1890. – № 6. – С. 862–864.
29. Вестник Европы. – 1886. – № 7. – С. 435.
30. Вестник Европы. – 1888. – № 11. – С. 417–418.
31. Вестник Европы. – 1890. – № 2. – С. 902.
32. Вестник Европы. – 1888. – № 6. – С. 876.
33. Вестник Европы. – 1884. – № 9. – С. 382.
34. Вестник Европы. – 1884. – № 6. – С. 817–818.
35. Вестник Европы. – 1885. – № 12. – С. 646–647.
36. Вестник Европы. – 1889. – № 6. – С. 850–851.
37. Вестник Европы. – 1885. – № 9. – С. 421–422.
38. Вестник Европы. – 1885. – № 11. – С. 469.
39. Вестник Европы. – 1887. – № 7. – С. 226.
40. Вестник Европы. – 1888. – № 3. – С. 251.
41. Вестник Европы. – 1888. – № 11. – С. 378.
42. Вестник Европы. – 1891. – № 10. – С. 738–739.
43. Вестник Европы. – 1884. – № 10. – С. 843.
44. Вестник Европы. – 1885. – № 3. – С. 387.
45. Вестник Европы. – 1884. – № 10. – С. 844.
46. Вестник Европы. – 1882. – № 4. – С. 809.
47. РГИА, ф. 777, оп. 2, 1865, д. 102 б, л. 246.
48. Вестник Европы. – 1886. – № 7. – С. 459.
49. РГИА, ф. 776, оп. 3, д. 87, л. 46 (об.).
50. РГИА, ф. 776, оп. 2, д. 24, л. 131 (об.).